

Ю. С. Вильдяева, Е. В. Дзюба

Екатеринбург, Россия

Концепт «хитрость» в русской и французской языковой картине мира: лексикографический аспект

Аннотация. Для современной лингвистики характерен антропоцентрический подход, что стимулирует развитие междисциплинарных исследований, рассматривающих человека, язык и культуру в тесной взаимосвязи. Особое место среди направлений антропологической лингвистики занимает лингвокультурология. Единицей лингвокультурологии является концепт. Концептуальную модель мира можно выразить через языковую модель. В статье сопоставляются лексические единицы в словарях русского и французского языков на примере концепта «хитрость».

Ключевые слова: антропологическая лингвистика; лингвокультурология; концепт; культурные коды (антропоморфный, зооморфный, предметный).

Y.S. Vildyaeva, E.V. Dziuba

Ekaterinburg, Russia

Concept “Slyness” in Russian and French Language World Picture: Lexicographic Aspect

Abstract. Anthropocentric approach is characteristic of modern linguistics, and this fact stimulates the development of interdisciplinary research works that examine a man, language and culture in close connection with each other. A specific place among anthropologic linguistics belongs to lingoculturology. A unit of lingoculturology is a concept. Conceptual model of the world may be reflected via language model. The article compares lexical units fixed in the dictionaries of the Russian and French languages on the basis of the concept “Slyness”.

Key words: Anthropological linguistics; lingoculturology; concept;

cultural codes (anthropomorphic, zoomorphic, subject).

Одним из ведущих принципов современной лингвистики является антропоцентризм. Идеи антропологической лингвистики определяют теоретическую базу большинства современных исследований, исходный тезис которых состоит в утверждении, что «язык есть конститутивное свойство человека, окно в его духовный мир, в его интеллект, средство доступа к тайнам мыслительных процессов» [Зацепина 2006: 13]. В конце двадцатого – начале двадцать первого века «язык начинает восприниматься как путь, по которому можно не только проникнуть в современную ментальность, но и в воззрения древних людей на мир, на общество и на самих себя. В центре внимания исследователей оказывается проблема взаимодействия человека, языка и культуры. Безусловно, она не является абсолютно новой. Уже в начале девятнадцатого века к ней обращались, например, братья Гримм, А. А. Потенция, А. Н. Афанасьев, В. Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф» [Пименов 2004: 89].

Переход современной лингвистики на антропоцентрическую парадигму стимулировал быстрое развитие междисциплинарных областей гуманитарных исследований, в основе которых лежит триединство «человек – язык – культура». В рамках антропологической лингвистики развиваются такие направления, как социолингвистика, психолингвистика, лингвопсихология, этнолингвистика. Особое место среди всех направлений занимает лингвокультурология [Зацепина 2006: 13].

Концепт является единицей лингвокультурологии, поскольку, по определению Ю. С. Степанова, представляет собой «основную ячейку культуры в ментальном мире человека» [цит. по: Пименов 2004: 89], а также потому, что важнейшим средством его материализации и объективизации является язык. Так, например, В. Г. Зусман рассматривает концепт как «главную единицу культурологии и основную единицу культурной и межкультурной коммуникации» [цит. по: Зацепина 2006: 20].

Основными формами языковой экспликации концепта могут быть: 1) лексемы, 2) фразеологизмы (идиомы, посло-

вицы, поговорки, афоризмы), 3) фольклорные и литературные тексты. Они составляют языковую модель концепта. Выявление культурологических особенностей образов, которые заложены в формах языковой экспликации, даёт возможность частично или целиком восполнить недостаток той информации, которая, по определению Е. А. Пименова, является главной составляющей концептуальной модели мира, выраженной через языковую модель мира [Пименов 2004: 90].

В рамках данной статьи сопоставляются лексические единицы в словарях синонимов русского и французского языков, репрезентирующие концепт *хитрость*.

Французский словарь приводит следующий синонимический ряд для слова «Ruse, -e (хитрый, -ая) – adroit, artificieux, astucieux, cauteuleux, chafouin, diplomate, ficelle, fin, finasseur, finaud, fourbe, fute, habile, inventif, loup, machiavelique, madre, malicieux, malin, matois, narquois, normand, perfide, politique, renard, retors, roublard, roué, subtil, tortueux, trompeur, vicelard» [Le Robert 1993: 619].

Русские синонимические словари приводят относительно небольшой лексический ряд: «Хитрый – лукавый, хитроватый, плутоватый, плутовской, продувной, с хитрецей, с хитринкой» [ССРЯ 2002: 622]. Поэтому целесообразно дополнительно привести данные ассоциативных словарей, например, «Русского ассоциативного словаря» Ю. Н. Караулова (аналогичного французского словаря найдено не было): «Хитрая – лиса 21 (реакция на это слово), ложь 2»; «Хитрое – враньё, правительство 1»; «Хитрый – вор 10, коварный 9, плут 6, еврей, проныра 5, ловкий 3, жук, подлый, странный, сыщик, улизнуть, продавец, хохол, чертёнок, шпион 2» [Караулов 2002 : 918].

В концептах *хитрость* / *ruse* уже на уровне синонимического (ассоциативного) ряда находим языковые единицы – элементы «**кодов культуры**», реализующихся по различным когнитивным моделям.

I. Антропоморфный код проявляется в следующих моделях:

1) «**представитель определённой профессии или рода деятельности > хитрец**»:

во французском языке это «diplomate», «politique»; в русском – «вор», окказионально «сыщик», «продавец», «шпион»;

2) **«представитель национальности, житель конкретной страны или провинции > хитрец»:**

во французском языке это – «normand»; в русском – «еврей», «хохол» (один раз встречается «татарин»);

3) **«конкретный персонаж > хитрец»:**

реальный исторический персонаж – «machiavelique» (от французского «Machiavel»).

Среди французских лексем-синонимов *хитрости* зафиксировано слово «machiavelique». Вероятно, следует уточнить культурологическую составляющую этого образа: «Machiavel (homme d' Etat florentin, celebre par ses ecrits et ses theories politiques) – homme d' Etat sans scrupule, qui n' hesite pas a employer les moyens les plus perfides, les procedes les plus tortueux pour accomplir ses desseins». «Un air machiavelique», «un sourire machiavelique», «le machiavelisme» – artifice, astuce, calcul, dissimulation, perfidie, ruse» [Le Robert 1998: т.6 121]. Н.Макиавелли приписывают изречение «Il fine giustifica I mezzi» (французское «la fin justifie les moyens», русское «цель оправдывает средства») [Бирих 2005 : 740]. Одни из самых известных политических деятелей в истории Франции не случайно приписаны народом к его последователям: «le machiavelisme de Mazarin», «le machiavelique Talleyrand» [Le Robert 1998: т.6 121]. Вообще политиков французы делят на два сорта: макиавеллистов в действии и макиавеллистов в теории: «...on peut distinguer deux sortes de machiavelistes en politique: machiavelistes de methode et machiavelistes de doctrine» [Le Robert 1998: т.6 121].

II. Зооморфный код представлен одной когнитивной моделью:

1) **«животное > хитрец»:**

во французском языке это «loup», «renard»; в русском – «лиса», «жук», «чертёнок».

Во французском языке есть также носитель **предметного кода (III)**, реализующегося через когнитивную модель **«предмет > хитрец»:** «ficelle» (1) бечевка, веревка, шнурок, шпагат...; 3) трюк, уловка, ухищрение...; 5) лиса, пройдоха...;

основа переноса значения – ‘гибкость – изворотливость’, ср.: бечевка (гибкая) – гибкий (изворотливый) – лиса, пройдоха).

Таким образом, на уровне синонимического (ассоциативного) рядов среди образных лексем, репрезентирующих концепт *хитрость*, были обнаружены носители трёх культурных кодов: антропоморфного, зооморфного, предметного.

Нельзя не отметить еще одну культурологическую особенность: французские хитрецы – исключительно высокопоставленные персоны: «politique» («machiavelique»), «diplomate». В самом выборе именно этих образов в качестве синонимов хитреца присутствует, на наш взгляд, некий положительный момент в его оценке. Возможно, это смысловой оттенок *утончённость* в понятии *хитрость*. В русских образных лексемах выражено исключительно негативное отношение к хитрецам, поскольку они в основном ассоциируются с ворами, типично и русское отношение к торговцам как к обманщикам: ср. лексема «продавец».

«Normand» также не случайно причислен французами к плутам. Здесь находит отражение черта менталитета французского народа, который превозносит свою страну перед другими странами: «la France et le reste du monde», «heureux comme Dieu en France» [Смирнова 2003: 198], а её столицу перед провинциями, особенно отдалёнными: «garde toi d’ un Gascon ou Normand, l’ un est hable trop et l’ autre ment» [Смирнова 2003: 26].

Что касается представителей зооморфного кода, то здесь «универсальным» хитрецом является *лис / лиса*, а «национальными» – *loup* во французском языке и *жук, чертёнок* – в русском.

Только во французском языке выявлена лексема – представитель предметного кода: «ficelle», которая раскрывает особенность процесса метафоризации во французском языке.

В целом, на уровне сопоставления данных только синонимических словарей очевидно, что слово *хитрый*, относящееся к тому же словообразовательному гнезду, что и *хитрость*, в русском языке имеет гораздо меньше синонимов, чем *ruse* – во французском. Французы выделяют больше нюансов значения этого слова. В русском языке слова, обозна-

чающие те же нюансы значения, также присутствуют, но не относятся составителями словарей к синонимам лексики «хитрый».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирих А. К. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. – 926 с.

2. Зацепина М. В. Концептуализация феномена отчуждения в русской и немецкой этноконцептосферах: дис. На соискание ученой степени канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 238 с.

3. Пименов Е. А. Исследование концепта *Trauer* «печаль» посредством синонимического ряда // *Ethnohermeneutik und Antropologie* / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004. 89-94 с.

4. Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю. Н. Караулов [и др.]. – М.: АСТ: Астрель, 2002. Т. 2. – 992 с.

5. Смирнова Н. С. Занимательный французско-русский фразеологический словарь / Н. С. Смирнова. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Муравей, 2003. – 437 с.

6. Le Robert. Dictionnaire de la langue francaise: en 8 t. – Montreal: Les Dictionnaires Robert-Canada, 1998. Т. 8. – 1012 р.

7. ССРЯ – Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: АСТ: Астрель, 2002. – 656 с.

© Вильдяева Ю.С., Дзюба Е.В., 2008